

А все-таки мы живы...

Бывают встречи, которые оставляют в душе радость. А бывают такие, что после расставания долго не можешь избавиться от возникшего чувства беспокойства, смятения и тоски.

Я встретил его на вокзале маленького городка, куда приехал по командировочным делам, и не сразу узнал лейтенанта-десантника, с которым судьба свела меня лет 10 назад в военном госпитале Владикавказа.

Когда я вошел в обшарпанное, еще дореволюционной постройки здание вокзала (о чем свидетельствовали цифры на фронтоне «1889»), мое внимание привлек высокий молодой человек. Он стоял отрешенно посередине зала, не обращая внимания на усталых, серых людей, высыпавших из вечерней электрички, которые после трудового дня в большом городе спешили домой. Он возвышался над этим суетливым потоком. Некоторые пассажиры натыкались на него, возмущенно бормотали что-то, другие обходили, волоча за собой маленькие тележки с клетчатými большими сумками, остальные на мгновение останавливались и с удивлением смотрели на него снизу вверх. Потом, недоуменно пожав плечами, все они спешили дальше, по своим делам.

Да, высокий и худой, он стоял посередине зала и улыбался. Его улыбка в этом провинциальном, утопающем в осенней грязи городке, где большая часть населения жила за счет случайных заработков и пенсий, у многих вызывала недоумение и раздражение.

Потертая куртка на его худом теле. Под курткой — тельняшка. Он опирался двумя руками на палку и потому слегка сутулился.

Электричка ушла, огласив мир протяжным гудком. Вокзал опустел. Остались только бомжи, которые грелись в углу около батареи, и несколько пассажиров, ожидающих своего поезда. Сытые милиционеры, лениво прохаживаясь между рядами скамеек, разбудили заснувшего пассажира и показали дубинкой в сторону выхода. Равнодушно посмотрели на меня и уже было направились в сторону бомжей, как остановились, увидев улыбающегося человека. Это вызвало у них подозрение, и они на всякий случай проверили его документы.

Никто и не догадывался, что стоит он на протезе, который протер ногу до крови. Он стоял и улыбался...

Именно по этой улыбке я его узнал. И еще — глаза, они остались такими же светлыми и грустными.

— Сашка, ты? Здравствуй! — я подошел к нему поближе.

Он с любопытством посмотрел на меня, пытаюсь вспомнить, но потом смущенно улыбнулся, по-моему, не узнал.

— Владикавказский госпиталь, осень 1995 года, отделение гнойной хирургии, — сказал я. Это не помогло, и я представился.

— Здравствуй, брат! — он свободной рукой обнял меня, похлопал по спине. — Пойдем, поговорим.

Он вдруг засуетился:

— Тут место есть удобное, буфет.

До прибытия моего поезда было еще достаточно времени, и я с удовольствием согласился.

Буфет оказался на удивление чистым и уютным. Мы выбрали место в углу, подальше от посетителей. Он тяжело сел, аккуратно прислонил к стене палку, двумя руками приподнял ногу с протезом и пристроил ее под столом, потом смущенно посмотрел на меня и улыбнулся, словно извиняясь за свою неуклюжесть. Мы заказали водки и закуски. Я видел, что лейтенант рад встрече, но по еле уловимому напряжению на его лице догадывался, что он все еще не вспомнил меня. Пока ждали, когда буфетчица со слоем дешевого макияжа на лице и отрешенными глазами принесет наш заказ, он поделился своими впечатлениями от посещения платного туалета.

— Оказывается, совсем мало нужно, чтобы почувствовать себя человеком, — сказал он, — представляешь, с меня как с инвалида не взяли деньги! Знаешь, о чем я подумал? Что не зря воевал! Заслужил хоть бесплатный вход в сортир! — Он зло рассмеялся.

Я внимательно посмотрел на лейтенанта, его смех был пронизан обидой и горечью, невольно спросил:

— Что, дела совсем плохи?

— До сегодняшнего дня все было плохо, во всяком случае, я так считал, а сейчас все хорошо. На меня сегодня как будто ведро холодной воды вылили. Я вдруг проснулся и, наконец, принял решение...

Он замолчал, принесли наш заказ, и я предложил тост за встречу. Мы выпили. Он занюхал водку кусочком хлеба, выдохнул, оживился и начал торопливо и сбивчиво говорить:

— Я сегодня понял, что жизнь проходит мимо меня. Мне, дураку, потребовалось 10 лет, чтобы понять эту простую истину. Самое главное, мне это никто не мог растолковать, остановить и наставить на путь истинный. Правда, никого я и слушать бы не стал. Я жил в гордом одиночестве и с обидой в душе, — он внимательно посмотрел на меня, словно пытался убедиться, что я его понимаю.

— Хорошо, что тебя встретил, — продолжил он, — это хороший знак. Мне за эти годы не с кем было поговорить по душам. Я имею в виду, что нет здесь нашего брата, который прошел бы тот же путь, был в нашей шкуре и который мог меня понять с полуслова...

Искал сочувствия и нашел его среди дворовых алкашей. Они были добры ко мне, и я искренне верил, что они — единственные близкие мне люди. Они умели сочувствовать. Им изливал душу, но чувствовал, что они меня совершенно не понимают. Я не могу сейчас всего рассказать и объяснить, все слишком сложно и мне нужно время для осмысления, — он вдруг успокоился, взял в руки пустой стакан, повертел в руках. Внимательно посмотрел на меня поверх стакана, и убедившись, что я готов слушать его, продолжил:

— Могу только сказать, что теперь у меня все в порядке. Ты знаешь, мне впервые, после того боя и ранения, стало легко на душе, как будто какую-то тяжесть сбросил. Я понял, что я никому не обязан и мне никто не должен. Я свободен. Я даже благодарен той расфуфыренной, — он запнулся, подбирая слово помягче, — дуре, которая сегодня пыталась обидеть меня. Наверное, я сам виноват, достал ее своими проблемами, — грустно улыбнулся он.

Потом тень пробежала по его лицу, взгляд вдруг стал жестким, он мотнул головой, как будто пытаюсь освободиться от неприятных воспоминаний.

— Вообще-то я был так взбешен, кровь прилила к голове, что-то там щелкнуло и я как будто проснулся после долгой спячки, — повторился он. — Да, жизнь — сплошной анекдот. Смех один. Меня сегодня облили грязью, а я этому рад. Ты знаешь, я не помню, как оказался на вокзале, но точно знаю, куда поеду, — и он снова улыбнулся.

Из его сбивчивого рассказа я понял, сегодня произошло что-то важное, и уже собирался уточнить, что же с ним случилось, как он, перескакивая с одной мысли на другую, торопливо продолжил:

— Я понял, что жил не правильно. Жалел себя, скулил. Искал сочувствия. В личном плане не склеилось... Меня после Владикавказского госпиталя отправили в Ростовский окружной госпиталь, потом в Бурденко, целый год по госпиталям прохладился. Была девушка. Когда остался без ноги, перестал ей писать, испугался... В общем, она уехала с нашего городка, поступила в университет. Когда приехал домой, ее отец приходил ко мне. Застал меня пьяным. Был мужской разговор. Он просил, чтобы я не губил ее жизнь. Я успокоил его и выполнил свое обещание. Были другие девушки, но ее забыть я не мог...

Он замолчал, в его глазах было столько боли и грусти, что мне оставалось только разлить водку по стаканам и предложить выпить. Он не стал закусывать, вытер ладонью губы, улыбнулся.

— Я говорю, что жизнь — сплошной анекдот, — продолжил он. — Недавно проходил очередную комиссию ВТЭК, пришло время продлить инвалидность, я же пенсию получаю не по выслуге лет. Так вот, я был инвалидом 2 группы, в госпитале еще мне оформили на пять лет, а здесь дали пожизненно 3 группу, теперь у меня меньше ограничений при поступлении на работу, — усмехнулся он.

— Не может быть, чтобы понизили инвалидность, — возмутился я, — у тебя что, нога выросла?

— Я тоже самое сказал начальнику комиссии, — лейтенант снова усмехнулся, — а он мне в ответ говорит, что я, мол, приспособился и научился жить с одной ногой, и у них есть все основания считать, что я адаптировался к новым условиям жизни. Правда, сначала про страховку спросил. Когда я ответил, что деньги давно уже получил и уже успел потратить, он потерял ко мне всякий интерес.

— Знакомый анекдот, — я покачал головой и сжал зубы, чтобы не выругаться.

— А как ты меня узнал? — Вдруг спросил он. — Даже старые знакомые мимо проходят, не узнают, может быть не хотят признавать, не знаю. Что там говорить, я сам себя иногда не узнаю, особенно по утрам, — он хрипло засмеялся.

— Выглядишь, честно говоря, неважно, — не стал я лукавить, — а узнал тебя по улыбке и по глазам, хотя и сомневался до последней минуты.

— Это хорошо, что ты меня узнал, — согласился он со мной, — не подумай, что я — горький пьяница. Я освободился от этой заразы и давно уже не пил. Все в прошлом. А сегодня давай, брат, нальем по третьей и помянем наших ребят, которые не вернулись из боя, за тех, кого никогда уже не будет с нами...

Мы встали, помолчали и, не чокаясь, выпили. Сосед по столу, выпивающий в одиночестве, внимательно посмотрел на нас, взял недопитую кружку с пивом и бесцеремонно плюхнулся к нам за столик. Он попытался рассказать, кем он был в прошлой жизни, но лейтенант жестко прервал его:

— Дядя, иди за свой столик.

Немного смягчившись, улыбнулся:

— Не видишь, что ли, боевого товарища провожаю.

— Понял, уважаю, — пробормотал тот без всякой обиды и тут же ушел к себе за столик.

Лейтенант засмеялся:

— Ты знаешь, не все еще потеряно, не все так плохо. Мне даже завидуют! — оживился он. — Да! Мой сосед Костя, похож на этого, — он кивнул в сторону мужика с кружкой пива, — говорит, как мне повезло, что без ноги остался. Работы нет, говорит, а тебе хоть пенсию платят и тут же просит полтинник на опохмелку, никогда, правда, не возвращает. Каждый месяц приходит, как раз к пенсии. Один раз сотню дал, не было полтинника, так он только через месяц пришел и пробурчал: «Ты что, думаешь, Костик совсем совесть пропил, мы свою норму знаем». Представляешь! — он снова засмеялся.

— Ну и шутки у тебя... — улыбнулся я.

— Какая жизнь, такие и шутки, лучше расскажи, как ты живешь, чем занимаешься? — спросил он.

Я долго и подробно рассказывал ему про свою жизнь, чем занимаюсь, как деньги зарабатываю.

— Вот и сегодня еду с командировки, — уточнил я свое нахождение в этом городке, — выполнил поручение своего старого товарища, документы везу в Ростов.

Потом задумался, не решаясь сообщить ему о том, что пишу сказки. Как же — боевой офицер, прошедший через две войны, и вдруг пишет сказки для детей. Что за блажь? И я, преодолевая смущение, рассказал ему и об этом. Когда увидел в глазах лейтенанта неподдельный интерес, уже более уверенно продолжил:

— Конечно, заниматься писательством в наше время — это роскошь. Сам знаешь, время — деньги, на сказках много не заработаешь. Сейчас пишут только богатые, в любом случае, если даже за них пишут, то их фамилии красуются на обложках ими же изданных книг. Наверное, есть талантливые люди, которых издают и в наше время, во всяком случае, все великие классики были состоятельными людьми, но они не зарабатывали денег на своих бессмертных произведениях...

— А ты не пробовал, — прервал он мои рассуждения, — вместо сказок написать о нас, правду о том, как мы там честно выполняли свой конституционный долг по наведению порядка в зоне ЧП, как теряли друзей, как становились инвалидами, как нас предавали и как награждали.

— Пробовал, несколько раз пытался, не получается. Наверно, еще время не подошло. Да кому это нужно? — отмахнулся я от его предложения.

— Мне это нужно, — резко и жестко отрезал он меня, — я ведь все еще жду, что кто-то пожмет мне руку и скажет: «Спасибо, товарищ лейтенант!» Просто пожмет руку и поблагодарит. Скажет, что я не прятался за спины солдат, сохранил их жизни, что когда нужно было, не задумываясь, лез под пули. Не нужно цветов и торжественных речей, ни льгот, ни денег. Главное, чтобы мне сказали и объяснили, что не зря я стал калекой в 22 года, потерял любимую девушку и свою мечту и объяснили, как мне дальше жить. Может, ты в своей книге подскажешь им, что мы все еще живы...

Я смотрел на него и думал, как судьба бывает порой несправедливой к нам. Сейчас он был бы уже подполковником, женился бы на любимой девушке, у них была бы куча детей, командовал бы батальоном, а может быть, и полком.

Всего этого он лишен, и его юношеская мечта не осуществилась. Он не успел стать счастливым. Конечно, он знал, когда выбирал профессию, что его могли не только искалечить, но и убить. Но разве мы думали тогда об этом, мы верили, что жизнь прекрасна и все будет хорошо. И разве можно подготовить себя заранее к худшему, а когда попадаешь в такую ситуацию, не всегда рядом оказываются люди, которые могут поддержать и протянуть руку помощи. В одиночку даже самые сильные ломаются.

Тут объявили мой поезд, лейтенант вызвался проводить меня до вагона. Мы молча вышли на перрон, закурили.

— Ты не думай, что я зол на весь белый свет, — начал оправдываться лейтенант, — просто я пытался решить одну проблему. Протез у меня разваливается, ногу протер до крови. Сказали, что можно бесплатно заменить эту проклятую деревяшку, только документы нужно собрать. Целый месяц ходил по врачам, по различным учреждениям, по каким-то кабинетам, собирал справки, направления... Ты же знаешь, на каждую бумажку необходимо еще одну. В общем, целую бухгалтерию развели, — усмехнулся лейтенант. — Только я одного не понял, почему мы должны доказывать своими справками и бумажками, что они правильно, в соответствии с законом, выполняют свои обязанности. Почему мы должны собирать для них оправдательные документы, которые они подошьют в свои папки и забудут о них. Они и говорят, не отрывая свое драгоценное тело от кресел, что кому это нужно, тот и должен бегать. Я и бегал... Проблему до конца я не решил, но не в этом дело, — он глубоко затянулся сигаретой. — Но я многое понял, — продолжил он, выдыхая табачный дым. — Например, когда чиновник сталкивается с новой проблемой, которая раньше не входила в круг его обязанностей и, самое главное, когда он не знает, как ее разрешить, потому что у него нет инструкции, то становится раздражительным и бестолковым. И как бы он не старался скрыть свое раздражение, у него это не получается, — поделился он своим открытием. — Тут нужно принять позу просителя и терпеливо ждать милости. А я не смог, — он снова глубоко затянулся сигаретой и я заметил, что пальцы у него дрожали. — Сегодня с утра, наверное, не в тот кабинет зашел за очередной справкой, — он снова усмехнулся и выбросил в урну окурочек, — они, в кабинете, никак не могли понять, чего я от них хочу. Пришлось выложить все справки и вытаскать удостоверение инвалида о праве на льготы. Я ничего не требовал, просто хотел, чтобы мне объяснили, как мне дальше решать свою проблему. Мне и объяснили. Оказывается, у меня никаких прав уже не осталось, все монетизировано. А так как я отказался от лекарственного обеспечения и эту льготу получаю деньгами, то мне не совсем уж положен бесплатный протез. Ты знаешь, я усомнился, возмутился, пытался что-то доказать. Наверное, был резок и невольно их обидел. Одна не выдержала, мне в лицо с такой злостью прошипела, что она меня на войну не посылала, кто меня посылал, пусть тот и решает мои проблемы. Знаешь, чего мне стоило молча встать и выйти из кабинета. Я даже не помню, как очутился на вокзале.

Я не знал, что ответить ему, такое и мне приходилось слышать. Просто достал очередную сигарету и никак не мог ее прикурить. Он чиркнул зажигалкой, и я глубоко затянулся горьким дымом. Но успокоиться уже не мог.

— Так ты мне не ответил, — с тревогой в голосе спросил я у него, — куда ты собрался ехать?

— Я еду в Новороссийск, к друзьям в дивизию, — сказал он. — Там однокурсники мои, уже комбаты, давно они зовут к себе. Десантники своих не бросают. Обещают работу в охранной фирме, там все наши. Я вот все не решался. Сначала не мог оставить маму, она болела, два года назад ее похоронил, потом пил по-черному... Сегодня я, наконец-то, понял, что меня здесь больше ничто не держит. Никто и не заметит, что меня нет, кроме Костика. Вот расстроится бедолага, когда узнает о моем отъезде.

— Ты уже билеты купил, когда уезжаешь? — спросил я.

— Я на перекладных, на попутных электричках буду добираться. Имею право бесплатно проехать, я посчитал: 4 электрички — и я в Новороссийске, а там море, тепло и друзья. Деньги у меня есть, не беспокойся, пенсию недавно получил, — удержал он мою руку с бумажником.

Тут появился мой пассажирский, я судорожно начал искать ручку, чтобы записать телефон. Поезд на этой захолустной станции останавливался на три минуты, мы торопливо попрощались и я поспешил в свой вагон. Уже стоя в тамбуре, я крикнул ему, чтобы он позвонил мне. Поезд уже трогался, когда он вдруг заковылял за вагоном, засмеялся и крикнул: «Я вспомнил, я вспомнил Вас, товарищ подполковник! Вас солдаты в госпитале звали «дядя Миша», я обязательно позвоню!» Проводница захлопнула дверь, за окном замелькали станционные фонари, поезд ускорял свой бег.

Я прошел в душное купе, пытаюсь не беспокоить отдыхающих попутчиков, тихо забрался на верхнюю полку и закрыл глаза. За день я так устал, что мечтал отоспаться в вагоне, но сна не было. Перед глазами стоял Сашка. Я вспомнил, как он ковылял за вагоном, махал рукой и улыбался. Воспоминания о нем, о военном госпитале, о людях, которые были рядом тогда со мной, цепляясь друг за друга, потекли в моем сознании.

* * *

...Судьба свела нас в военном госпитале Владикавказского гарнизона. Лейтенант-десантник с ампутированной ногой лежал молча и смотрел в потолок. На все вопросы отвечал односложно и отворачивался. Иногда ночью я слышал тихий стон и всхлипывания. Совсем еще мальчишка, который кроме школы и военного училища в жизни ничего не видел. Но он успел пережить на войне столько, сколько нормальному человеку за всю свою жизнь не то что увидеть, но и присниться не может. Он, бледный и осунувшийся, страдал, как мне показалось, больше не от ран, а от душевной боли.

Как-то утром, едва мы успели обменяться несколькими фразами, его увезли в процедурный кабинет на очередную перевязку. Тут же пришли молоденькие медсестры-практикантки из местного медицинского училища и стали менять простыни на опустевшей кровати. Вдруг одна из них ойкнула: из наволочки, которую она сняла, посыпались обрывки фотографии. Она присела, к ней присоединилась вторая, и они вместе начали переставлять, словно пазлы, клочки бумаги, пока не проявилось на собранном прямоугольнике лицо красивой девушки.

Медсестры растерянно смотрели на фотографию, не зная, как поступить. На их юных лицах, еще не умеющих скрывать свои чувства, проявилась печаль по разорванной любви и сострадание по исковерканной войной судьбе. Им и в голову не могло прийти, что девушка на фотографии могла отвергнуть их героя-десантника. Значит, он отказался от нее.

Я не раз замечал, что молоденькие медсестры как-то по-особенному смотрели на его красивое и мужественное лицо, при этом они краснели, смущались и украдкой вздыхали. В их глазах отражалась обычно глубоко скрытая девичья мечта о светлой любви. Только лейтенант не замечал ни любопытных взглядов, ни девичьих вздохов, равнодушный ко всему, он замкнулся в своих переживаниях и боли. И сейчас медсестры растерянно рассматривали фотографию девушки, не в силах скрыть свои чувства, как вдруг отворилась дверь и вошла недовольная старшая медсестра.

— Что вы тут расселись, бегом в приемное отделение, — строго скомандовала она и, немного смягчившись, объяснила, — раненных привезли из Ханкалы, — хотела еще что-то сказать, но увидела растерзанную фотографию на полу и замолчала.

— Куда его? — спросил я, показывая на опустевшую кровать.

— В палату интенсивной терапии, у него температура подскочила, и раны кровоточат... — торопливо ответила старшая медсестра и вышла из палаты.

Медсестры суетливо собрали клочки фотографии и поспешили вслед за ней. В коридоре спокойный, но громкий голос старшей медсестры заставил всех за-суетиться. Захлопали двери, что-то уронили, кто-то ругнулся... Потом внезапно все затихло. Все ушли в приемное отделение.

* * *

В наступившей тишине я вспомнил, как две недели назад меня точно также привезли из Ханкалы. Вертолет Ми-8 с грузом 300 на борту приземлился недалеко от Шалхи.

Пока грузили тяжелораненых в санитарные УАЗики, я успел рассмотреть, что Казбек был окутан легкими облаками. «Казбек папаху надел — дождь будет», — вспомнил я старинную осетинскую примету.

Теплое осеннее солнце грело нас и мне не верилось, что скоро пойдет дождь, а может быть и снег. Я стоял и рассматривал величавые вершины, нависшие над Владикавказом, пытаюсь вспомнить их причудливые названия. Вот, совсем рядом, покрытые лесом невысокие горы под названием Сапицкая будка, за ними, чуть справа, видна Лысая гора, дальше темнеют горы с таинственными названиями Фетхуз и Арау-хох, левее, с плоской наклонной вершиной — Столовая гора, за ней должна быть вершина Мальчеч-корта, отсюда ее не видно. Там же по дну Даряльского ущелья течет Терек и вдоль него, через теснины и перевалы, тянется знаменитая военно-грузинская дорога. Там, вдоль дороги, лежат развалины замка грузинской царицы Тамары, в которую был влюблен объединитель земель великий Сослан. Недалеко от развалин была маленькая часовня, наверное, ее теперь восстановили, там путник мог обратиться с молитвой святому Уастырджи — так осетины называют святого Георгия. На повороте за Терекком видны вырубленные на скалах амбразуры дотов, которые должны были остановить немецкую армию, если бы они дошли до этих мест. Там бурный Терек шумит и грохочет, сопровождая тебя в пути. Над всеми возвышается Казбек, покрытый облаками. Все это Кавказ — воспетый Пушкиным, Лермонтовым и Толстым.

Много раз я бывал во Владикавказе и, все равно, не переставал восхищаться красотой синих гор. Кавказское гостеприимство, бесконечные тосты, похожие на молитвы, осетинские пироги и друзья давно пленили мое сердце. Здесь слово всегда имело огромный смысл, и люди не разбрасывались им попусту. Здесь каждый знает, что за свои слова необходимо отвечать своей честью. Кавказ учит людей такту и вежливости.

Как встретит Владикавказ меня сегодня? Никогда не думал, что приеду я сюда, потрепанный войной.

* * *

В приемном отделении нас уже ждали. Врачи спокойно, без лишней суеты проводили осмотр раненых, некоторым тут же оказывали помощь, оформляли истории болезни и распределяли по отделениям. Красивая осетинка, у которой черные, как смоль, гладкие волосы были собраны в тугий узел на затылке и прикрыты белоснежной шапочкой, приветливо улыбнулась мне, пригласила присесть на стул рядом с ней. Она подала мне градусник, измерила давление и начала заполнять историю болезни.

— Звание, ФИО, должность, место службы? — задавала она уточняющие вопросы с чуть заметным акцентом.

Когда я назвал фамилию, то почувствовал, как она напряглась, тревожно и коротко взглянула, но когда я назвал имя Махмут, вздрогнула и уже внимательно посмотрела на меня. В ее взгляде я увидел тревогу и понял причину испуга.

— Не надо бояться, я башкир, а не ингуш, — пробурчал я, пытаюсь ее успокоить. Худой, с усами и обросший густой черной щетиной, я действительно был похож на горца. Она покраснела, опустила голову и начала быстро что-то писать в историю болезни.

1992 год разделил осетин и ингушей комендантскими районами и блок-постами. Они еще недавно жили, как добрые соседи. А теперь законы кровной вражды правили людьми и определяли жизнь в этих краях, и никакая сила не могла вернуть прежние отношения между ними и смягчить их сердца. Ненависть и страх разделили людей на долгие годы. Судя по реакции, я догадался, что горе не обошло и ее стороной.

Она, как бы оправдываясь и пытаюсь сгладить возникшую неловкую ситуацию, улыбнулась и смущенно прошептала: «Я, я ничего не имела в виду, я просто подумала, что вы такой симпатичный молодой человек и какое у вас страшное имя!» Тут я уже не выдержал и рассмеялся, окончательно смутив ее. Я совершенно не обиделся за свое имя, а, наоборот, мне польстило, что она назвала меня молодым человеком, мне все-таки 34 года — для войск весьма солидный возраст, к тому же звание подполковника и постоянная ответственная служба давно уже стерла из моего сознания ощущение молодости.

— Вот что делает болезнь с человеком, чтобы помолодеть на несколько лет, достаточно иметь высокую температуру, — попытался я сгладить конфуз, а потом тихо добавил, — меня так бабушка нарекла в честь погибшего в Великую Отечественную сына.

Она еще больше смутилась, потом извинилась и ушла оформлять других раненых.

Вопросы, разделяющие людей по национальным или религиозным признакам, всегда оставляют в душе осадок, особенно вызывают недоумение у людей моего поколения, родившихся в 60-х годах и воспитанных, как раньше говорили, в духе интернационализма и атеизма. Мы все еще не могли поверить, что участвуем в войне, где политические вопросы, как нам казалось, менее значимы, чем этнические. На самом деле, я понимал, что конфликт на Кавказе при определенных условиях может перерасти в гражданскую войну и распространиться по всей стране, привести к распаду государства, которое совсем недавно отказалось от старой системы государственного управления и пыталось создать новое демокра-

тическое общество. Мы понимали, что на этом переходном этапе политических противников новой власти предостаточно, и они используют любые возможности в борьбе за власть. И, как всегда, разменной монетой в этой борьбе были простые люди. Сознание того, что необходимо остановить распространение гражданской войны, оправдывало мое участие в этом конфликте. Конечно, я задавал себе вопрос, при чем тут я, и без меня могли как-нибудь разобраться? Ведь миллионы людей живут где-то далеко отсюда вполне благополучно, наблюдая за происходящими событиями с интересом обывателя, уверенные в том, что эта война их никогда не коснется.

Я же свой выбор сделал еще в 1993 году в Москве, когда решил продолжить службу и после учебы в военной академии получил назначение на Северный Кавказ.

Мои переживания прервала подошедшая медсестра. Она поставила меня на весы, потом зачем-то измерила рост, наконец, вытащила градусник и ахнула, когда увидела, что температура зашкалила уже далеко за 40 градусов. Она заботливо усадила меня на кушетку и убежала за врачом.

Я, почти теряя сознание, продолжал лениво рассуждать, что за период командировки похудел на 17 килограммов, интересно насколько же лет я помолодел. Похоже, я начинал бредить.

Около меня вдруг все начали суетиться, сделали укол, предложили носилки. Я отказался, несмотря на слабость, добрался до отделения гнойной хирургии на своих ногах. «Не дождетесь, чтобы меня превратили в груз», — шептал я про себя. В этом лихорадочном бреде я находился дня три. Помню, несколько раз за ночь с меня снимали промокшую госпитальную рубашку, меняли белье, делали уколы. Утром повели в операционную, где молодой хирург под местной анестезией чистил рану, вытаскивал с моей руки осколки и рассуждал о гуманности пули.

— Пуля, хотя она и дура, а намного гуманнее, чем осколки, — назидательно говорил врач операционной медсестре, время от времени прерывая свои рассуждения названиями хирургических инструментов, — если, конечно же, человек остался жив, то рана обычно бывает чистая, неинфицированная. Я в своей практике видел такие ранения, когда пуля, пробив грудную клетку напротив сердца, вдруг по своей, наверное, гуманности, изменила направление и, не тронув ни одного жизненно важного органа, вылетела восвояси. И человек после двухнедельного лечения, без всяких хирургических операций, на своих ногах покинул госпиталь. А тут мелкие осколки чуть не оставили человека без руки. Остальная мелочь будет отторгнута организмом, — сделал он вывод, — время покажет, главное все мы тут почистили. — Он закончил операцию.

На следующий день я почувствовал облегчение, голова была ясная, появилась уверенность, что меня быстро вылечат и скоро я снова буду в строю. Наконец, я начал замечать людей в палате. Тогда же я и познакомился с соседом по койке лейтенантом-десантником. Звали его Александром. Сейчас он находился в палате интенсивной терапии.

Каждое утро в отделении появлялись бабушки, похожие в своих темных траурных одеяниях на монашек. Они приносили яблоки и осетинские пироги. Помогали медсестрам прибраться в палатах, ухаживали за тяжелоранеными. Потом они подолгу сидели около больных и тихо молились.

Эти бабушки во время Великой Отечественной войны были совсем еще молодыми девушками, здесь было много эвакуационных госпиталей, может быть, они еще тогда ухаживали за ранеными, подумал я.

Однажды одна из бабушек вместе с яблоками и пирогом на мою прикроватную тумбочку положила маленькую иконку святого Георгия. Я поблагодарил и, пытаясь не обидеть ее, вежливо отказался от иконки.

— Я мусульманин, бабушка, отдайте иконку тому, кому она поможет больше, чем мне.

Старушка внимательно посмотрела на меня и спокойно ответила:

— Сынок, бог один для всех, а святой Уастырджи — покровитель справедливых, и среди осетин есть мусульмане, у каждого свой путь. Дорогу к богу каждый выбирает сам.

Тогда я подумал, может в ее словах кроется та самая истина, которая могла бы объединить людей и прекратить войны.

Вечером я отнес иконку с половиной осетинского пирога лейтенанту в палату интенсивной терапии. С тех пор каждый вечер я приходил к нему и мы долго разговаривали.

* * *

После того, как лейтенанта перевели в интенсивную терапию, в палате мы остались вдвоем. Мой сосед — капитан, командир 131-ой мотострелковой роты, той самой трагической и героической бригады. Ему повезло тогда, он вырвался из новогодней мясорубки в Грозном раненый, но живой. Но война догнала его через некоторое время, и прободная язва желудка чуть не убила его. И теперь он, совершенно слабый и бледный, лежал под капельницей.

Оказалось, что мы с ним однажды уже встречались по делам службы.

— Не пытайтесь, все равно не вспомните, товарищ подполковник, — слабым голосом прервал он мои старания восстановить в памяти обстоятельства нашей встречи.

— Это было до войны, тогда я был командиром взвода, весил килограммов под 90, и мне кажется, был выше ростом, — попытался пошутить он. — Вы проверяли караулы, я был начкаром, — тихо продолжил он, — долго и упорно Вы меня гоняли по знанию уставов гарнизонной караульной службы. Я сильно переживал, что в директиву начальника штаба округа попаду, и тогда конец карьере, слишком уж строги Вы были. Но все обошлось, мой караул Вы отметили с лучшей стороны. Даже благодарность получил от комбрига, — улыбнулся он.

— От полковника Савина Ивана Алексеевича, — оживился я, — мне посчастливилось не раз общаться с ним, хороший был человек и толковый офицер.

Полковник Савин погиб в первый день нового 1995 года. Он не уронил своей чести. Многие в вышестоящих штабах попытались после его смерти переложить ответственность за свои просчеты в планировании операции на его плечи. Потери были огромные, и за это кто-то должен был отвечать. Потом стало известно, что против его сводного отряда, состоящего из 300 человек, действовало ударная группировка численностью более 3,5 тысяч боевиков, 50 орудий и танков, свыше 300 гранатометчиков¹. Не трудно посчитать, что перевес в пользу противника был десятикратный. Боевая техника бригады на улицах города бесполезна и была уничтожена в первые часы боя.

¹ Гродненский Н. Первая чеченская. История вооруженного конфликта. Минск. Современная школа, 2008. С.366.

И теперь, когда рядом оказался Сергей, свидетель тех страшных событий, я должен был задать ему волнующие меня вопросы.

Ему было трудно снова вернуться к трагическим событиям 1 января 1995 года, тогда он потерял близких ему людей, своих боевых товарищей. Но воспоминания о них не отпускали, постоянно жили в нем и постепенно отнимали у него силы. Он молча страдал. И ему, как бы тяжело не было, необходимо было выговориться и снять с себя тяжкий груз.

— Я видел комбрига последний раз вечером 1 января. Он был уже дважды ранен, но еще держался на ногах, — тихо, трудно подбирая каждое слово, начал он свой рассказ. — Тогда он приказал нам прорываться из окружения. Мы собрали остатки боеприпасов, людей и пошли...

Он вдруг замолчал и закрыл глаза. Я видел, как его и без того бледное лицо стало белым, как бумажное полотно. Его ресницы дергались в нервном тике, через плотно сжатые зубы я услышал тихий стон.

Я наклонился над ним и дотронулся до его плеча.

— Сергей, как ты, может медсестру позвать? — тихо спросил у него.

— Не надо, сейчас пройдет, — отказался он и покачал головой, — дай лучше попить.

Я суетливо налил из графина воды, осторожно приподнял ему голову и поднес стакан к губам. Он сделал глоток и свободной от капельницы рукой отстранил стакан. Я уже сожалел, что начал этот разговор, как он слабым голосом начал говорить.

— Знаешь, почти год прошел после того дня, а я каждую ночь просыпаюсь в холодном поту, — он говорил медленно, иногда паузы между словами затягивались. Я видел, как он с трудом преодолевает волнение.

— Говори, я слушаю тебя, — сказал я, почувствовав, что ему необходимо сейчас выговориться, передвинул стул поближе и сел рядом с его кроватью.

— Нет, не от страха я просыпаюсь, — он пристально посмотрел на меня, — мне снятся лица моих солдат, большинство из которых остались там, среди развалин. Мы бежали, и я видел, как они один за другим падали, они, еще живые, оставались молча умирать. Кого могли, мы тащили на себе, и потому отстали от основной группы. Я их не смог защитить и сохранить им жизнь. Каждую ночь повторяю их имена и прошу у них прощения. Они, совсем еще мальчишки, стоят как живые перед глазами. Никто из них не хотел умирать. Мы не понимали, за что...

Когда нас обложили со всех сторон, мы спрятались в каких-то развалинах. Я помню, недалеко от нас горели наши подбитые танки, всюду лежали убитые. Потом я узнал, что это был танковый батальон, который пытался пробиться к нам на помощь. Мои солдаты, почти все раненые, смотрели на меня полными отчаяния и ужаса глазами. У меня разрывалось сердце от жалости к ним и обиды за свое бессилие. Я понимал, что пока я жив, у них есть надежда вырваться из этой мясорубки. И я должен был поддержать их. Но слов не было, я попытался улыбнуться, но скривил занемевшие губы в зловещей гримасе и скомандовал: «Приготовить гранаты, оружие к бою, раненых в середину, сержанты ко мне!» Все встрепенулись, защелкали затворы. Тогда я подумал: «Мы все еще живы! Мы обязательно пробьемся!» Я слышал, недалеко от нас на территории автобазы идет ожесточенный бой. Значит там наши. Мы решили пробиваться туда. Боевики не ожидали нас, и когда мы, окровавленные, грязные, прокопченные,

вдруг появились позади них, они в панике бежали. Мы кричали и стреляли и в тот момент вряд ли были похожи на людей.

...До сих пор помню шупленького молодого солдата. Он был не с моего взвода, мы его нашли среди убитых товарищей и потому не знаю ни имени, ни фамилии. Он стоял на коленях и раскачивался из стороны в сторону, наверное, был контужен. Я, пробегая мимо, схватил его за шиворот и потащил за собой. Когда остановились за развалинами, чтобы передохнуть и перезарядить оружие, я осмотрел его. Он с тонкой грязной шеей, торчащей из бронезилета, напоминал мне мальчишку, который по какой-то высшей несправедливой воле попал на эту войну. Я помню его взгляд. Он смотрел на меня полными слез и безысходности глазами. Я приказал ему держаться за мной. Мы снова бежали, отчаянно кричали и стреляли, в какой-то момент я почувствовал, что его нет рядом. Когда оглянулся, то увидел, что он лежит, уткнувшись в кучу битого кирпича, в шагах десяти от меня. Я вернулся за ним...

...Мальчишка умер у меня на руках, я закрыл его глаза. Перед смертью он все звал и повторял: «Мама! Мама!..» До сих пор от жалости к нему у меня сжимается сердце. Он погиб, но не бросил оружия, и у него не было в рожке ни одного патрона. Он сражался до конца...

Капитан надолго замолчал. Крупная слеза скатилась по его впалой щеке. Потрясенный его рассказом, я опустил голову, пытаюсь сглотнуть застрявший горький комок в горле.

— Ты не виноват, капитан, — хрипло сказал я ему, — ты сделал все, что мог..

— Ночью мы пробрались в здание Дома печати, — снова после длительной паузы продолжил он свой рассказ, — там батальон 81-го полка держал оборону. Ты знаешь, когда оказались среди наших, мы упали в одну кучу и уснули. Это была нечеловеческая усталость. Потом мы, выжившие, воевали жестоко и зло.

Как погиб комбриг, я узнал после со слов прапорщика Шибкова. Он был рядом с ним до последней минуты. К тому времени комбриг был уже трижды ранен, но все еще держался на ногах. Шибков слышал последние слова полковника Савина, он выругался: «Если выживу, я этим сволочам скажу все, что о них думаю...» Потом прилетела граната, крутясь и шурша по щебню, она подкатилась к ногам комбрига и взорвалась. Так погиб наш командир.

Только весной нашли его останки, на нем не было живого места. Мы похоронили его в родной станице недалеко от Буденовска. Искал я и своих солдат, искал и мальчишку, погибшего у меня на руках. Но я не смог его найти. Искал в рефрижераторах, куда свозились тела неопознанных солдат и офицеров, все пять вагонов обошел, но не нашел, — и он снова замолчал. Я смотрел на его бледное лицо, на седые волосы и поймал себя на мысли, что капитану всего 27 лет.

* * *

Страх на войне присутствует в каждом человеке, но до поры до времени. Человек преодолевает его или привыкает, как к чему-то неизбежному. Первые потери вызывают у оставшихся в живых ярость или, наоборот, обреченность. И то, и другое помогает освободиться от страха. Как правило, обреченные гибнут. Погибали и другие, бесстрашные, но они дорого отдавали свои жизни и становились героями. Наверное, в крови нашего человека, в его генах затаилась война, и она передается из поколения в поколение, из далекого прошлого, как

опыт предков. Иначе, как же объяснить, что люди, попадая на войну, быстро привыкают к ней. И через некоторое время, как будто всю жизнь только этим ремеслом занимались, начинают умело и, самое страшное, весело воевать. Если они выживут, то война никогда уже не отпустит их из своих цепких лап. Всю оставшуюся жизнь они будут нести тяжкое бремя воспоминаний.

А пока, на войне, они не думают о том, что смерть затаилась где-то рядом. Молодые солдаты, совсем еще мальчишки, еще не познавшие любви, не успевают понять в гонке со смертью, что их главное предназначение в этом мире — это продолжение рода человеческого, а не уничтожение его, передача потомкам своей крови — не загрязненной, не зараженной и не испорченной войной.

* * *

В палате две заправленные кровати ждали новых жертв войны, они, как за-метил капитан, никогда, к сожалению, долго не пустуют.

Часа через два в палату привезли раненого, который лежал на животе и улыбался.

— Леша, — представился он, — лейтенант, войска дяди Васи (ВДВ). — Он не скрывал своей радости, что остался жив. Говорил громко, видать, его еще и контузило.

Ниже спины вплоть до пяток он был нашпигован осколками. Остальную часть тела сохранил бронежилет.

— Сейчас еще одного привезут, — сообщил он. — Друг мой, Азаров, ему меньше повезло, снайпер легкое прострелил, сейчас жидкость откачивают!

— Когда это вас так? — спросил я.

— Вчера вечером. Несколько дней назад снайпер появился перед нашими позициями, как вечер, так не давал голову высунуть никому, постреляет и уйдет. Достал всех. Нам с Азаровым комбат приказал разобраться с обнаглевшим снайпером. Я еще говорил Паше, не снимай бронежилет, а он — живьем возьмем, может помешать. После обеда и пошли, вернее поползли. А он, гад, с утра уже сидел и ждал, пока туман рассеется, ну и подстрелил Азарова. Снайпера я гранатами забросал. Принесли носилки, ну, я Пашку и понес, все думал быстрее донести. Впереди носилки нес наш замкомвзвода, здоровый такой детина. Его нес и меня тащил за собой, я еле успевал за ним. Мы до этого растяжки понаставили, и сержант осторожно обходил их. А я еще наорал на него, когда увидел, что Азаров начал задыхаться. Давай напрямик, что ты, мол, кругами ходишь. Ну, он и пошел, перешагнул проволоку и кричит: «Растяжка!» Я же не вижу, что впереди меня, мы на совесть замаскировали свои ловушки, к тому же сейчас, осенью, темнеет рано, да и носилки с Азаровым закрывали обзор. Кое-как перешагнул одну растяжку, потом вторую, а вот третью сорвал. Услышали щелчок, ну мы и побежали. Ребята говорили, что насчитали два взрыва, и одна сигнальная мина сработала. Ну, и я собрал все осколки на свою задницу! Но Пашку не бросил.

Я не выдержал и расхохотался. Лейтенант, лежа на животе, смеялся вместе со мной и морщился от боли. Капитан улыбался.

Лейтенанта Азарова привезли на кресле-каталке. Медсестра расправила постель и помогла лейтенанту перебраться на кровать. Он бледный, кривясь от боли, лег, и медсестра заботливо укрыла его одеялом.

— Как ты, братан? — спросил лейтенант, обращаясь к своему другу.

— Все нормально, — простонал Азаров, — сказали, что до свадьбы заживет. А что вы тут хохотали, снова, что ли, Леша анекдоты травил? — обращаясь ко мне, спросил Азаров. Не успел я ответить, как распахнулась дверь палаты.

На пороге стоял начальник отделения гнойной хирургии — толстый и добродушный осетин, лет около пятидесяти, нос и усы делали его похожим на отца всех народов товарища Сталина. В отделении любили начальника, и его юмор никого не обижал. И на этот раз он с удивлением посмотрел на нас и с сильным кавказским акцентом пробурчал: «Нисмотря на все наши усилия, ви все ище живи!» Мы не выдержали и снова рассмеялись.

— Не дождетесь, товарищ полковник! — ответили мы на его шутку.

— Это очень хорошо, что смеетесь, — с хитринкой в глазах обвел он взглядом палату, — вижу, пора всех отправлять на фронт!

В отделении давно уже привыкли к его своеобразным шуткам. Он, потирая руки, присел около Азарова.

— Тебе повезло, что у вас санинструктор толковый, — говорил он уже серьезно, — он вовремя поставил дренаж, иначе вряд ли тебя довели, задохнулся бы.

Начальник отделения по очереди осматривал раненых, что-то тихо говорил, медсестры и врачи, сопровождающие его, быстро записывали назначения и кивали в ответ, соглашаясь с его указаниями. Около меня он долго не задержался, поинтересовался, какой у меня аппетит. Посоветовал восстанавливать вес.

— Завтра эвакуация на большую землю, отправлю я тебя в Ростов, будешь долечиваться в окружном военном госпитале.

— Товарищ полковник! Я обещал через неделю вернуться в Ханкалу, вместо этого уже вторую неделю прохлаждаюсь в госпитале! Никуда я не буду эвакуироваться! — категорически отказался я.

— Хорошо, но пока не снимем швы, я тебя не выпишу.

Он внимательно осмотрел руку. Опухоль спала. Обожженная йодом кожа сморщилась и потрескалась, словно меха старой саратовской гармошки. Чистая и розовая кожа просматривалась сквозь трещины. «Знаешь, еще неделю задержался бы в своей Ханкале и ты лишился бы руки. Так что, не возмущайся и не размахивай руками, а то я начинаю жалеть, что не отрезал тебе руку по локоть», — пытаясь быть строгим, сказал он.

Начинался обычный обход больных.

* * *

Утром, как и обещал начальник отделения, объявили эвакуацию больных. Медсестры бегали по палатам, уточняя списки. К нам в палату не зашли, начальник отделения выполнил свое обещание, значит, я остаюсь. Принесли форму для отъезжающих и с грохотом побросали обувь около поста дежурной медсестры. Тихую и не суетливую жизнь отделения нарушила знакомая нам только по книгам и фильмам про войну команда — эвакуация. В коридоре засуетились, послышались голоса. Кто-то искал свою форму, кто-то не нашел сапоги и громко по этому поводу возмущался.

Я решил выйти из палаты и проводить отъезжающих, со многими за это время успел подружиться, и теперь как-то стало грустно с ними прощаться, может быть, никогда уже не придется встретиться.

Около окна в коляске сидел Сашка, лейтенант-десантник, и отрешенно смотрел на улицу. Несколько дней подряд шел снег, что было необычно для этих мест в середине осени. Деревья с неопавшими еще листьями согнулись почти до земли под толстым слоем мокрого снега.

Рядом с ним стояли костыли, он уже был одет. Пустая штанина была аккуратно заправлена. В руках он недоуменно вертел ненужный ботинок с высоким берцем. Я подошел к нему и положил руку на плечо. Он вздрогнул и равнодушно посмотрел на меня.

— Привет, как дела? — поздоровался я.

— Здравствуйте, вот уезжаю, — тихо ответил он.

— Сашка, все будет нормально, — бодрым голосом попытался поддержать его, — держись, давай!

— Нормально уже никогда не будет, — ответил он печально. Я растерянно замолчал.

Вдруг подошла медсестра, сунула в руки лейтенанта конверт, быстро попрощалась и убежала. Он не спеша вскрыл конверт, внутри которого оказалась аккуратно собранная из мелких обрывков и склеенная на листе плотной бумаги фотография девушки. Она как будто с укором смотрела на него сквозь глубокие шрамы. Но даже они не могли испортить красоту изображенной на ней девушки. Лейтенант долго смотрел на фото, потом бережно вложил в конверт и спрятал в нагрудном кармане.

Суета продолжалась. Сестра-хозяйка семенила за начальником отделения и жаловалась, что одеть эвакуируемых не во что, большинство раненых поступило в грязной, порванной и окровавленной форме. Новое обмундирование положено только при выписке, поэтому эвакуируемым тыловики не выдают форму, на улице холодно, и она вынуждена отправлять людей в госпитальных пижамах, а они числятся за ней, как она потом будет отсчитываться за них и т.д. Невысокого роста солдат искал потерянную в суматохе обувь. Он был до того растерян, что готов был от досады расплакаться. Увидев сестру-хозяйку, догнал ее и начал требовать утерянную обувь: «Может быть на складе потеряли, кому нужна одна берца, разве что одноногую?» При его последних словах лейтенант-десантник вздрогнул и, недоуменно посмотрев на свою ненужную теперь обувь, подозвал солдата:

— Держи, брат, мне уже ни к чему, — и протянул ботинок. Тот недоверчиво посмотрел на лейтенанта, увидел пустую штанину, шмыгнул по-детски носом и осторожно взял берцу. Сел прямо перед ним на пол и начал обуваться.

— Я ведь на дембель готовился, у десантуры на тушенку обменял берцы, думал, домой в деревню в них поеду, — пыхтел он, зашнуровывая десантные кожаные ботинки с высоким берцем. Я заметил, что у солдата отсутствуют три пальца на правой руке, но указательный и большой палец были целы. Он более-менее справился со шнуровкой ботинок, встал и начал осматривать обувь, ставя ноги то на каблук, то на носок, а потом неожиданно умело выдал гопака. Его лицо сияло от счастья. И, наконец-то, я увидел, как рассмеялся лейтенант. Они смотрели друг на друга и хохотали. Это был необычный смех, так смеются дети — беспричинно и радостно.

Тут отъезжающих пригласили на выход, пришло время прощаться. Лейтенант улыбался, мы пожали друг другу руки и пожелали удачи, по этой улыбке я и узнал его через десять лет.

Я подошел к окну и увидел: лейтенант тяжело встал с кресла-каталки и, неумело опираясь на костыли, с трудом преодолел первую ступеньку автобуса, солдат суетился около него и пытался помочь.

Мне стало грустно, ком горечи застрял в горле.

— Что же их ждет впереди...

Автобус медленно выехал с территории госпиталя и направился в Беслан, где в аэропорту ждал самолет.

Я вздохнул и направился в палату, и уже открыл дверь, когда боковым зрением увидел посреди коридора одиноко стоящую берцу. Что за чертовщина, подумал я, не веря своим глазам, пока не услышал голос санитарки: «Чей сапог? Бросают их под топчаны, а потом будут искать», — она, недовольно бурча, огромной шваброй мыла полы.

— Теперь уже ничей, — ответил я и зашел в палату.

* * *

Всю ночь я не мог уснуть, воспоминания не отпускали меня, но под утро на какое-то время забылся в полудреме.

— Земляк, вставай, приехали! — сосед по купе, веселый старичок, суетился в предвкушении встречи с родными. Я посмотрел в окно: поезд медленно подтягивался к перрону. Многочисленные железнодорожные рельсы блестели в лучах не по-осеннему теплого солнца. Болела голова, ощущение было такое, будто я вернулся с очередной командировки с Кавказа. С этим чувством я покинул вагон, вышел на привокзальную площадь и направился в сторону Садовой. Вокруг меня суетились люди, куда-то спешили, разговаривали, громко смеялись. Вся это суета меня напрягала. Я не мог освободиться от мысли, что, может быть, война все еще продолжается, и я только что вернулся оттуда. А, может быть, потому, что капитан все еще не нашел солдата, того мальчика, который погиб в Грозном, и его не похоронили, может, потому, что Сашка, безногий лейтенант-десантник, все еще продолжает воевать, может быть, потому что затерявшаяся награда не нашла еще своего героя. Может быть, ради того, чтобы люди по утрам могли вот так беспечно спешить по своим делам и радоваться теплому солнцу, они и пожертвовали собой.

Может быть, война давно уже закончена, только мы об этом не знаем.

* * *

Недавно мне звонил Сашка. У него все в порядке. Мы с ним летом встречались в Новороссийске. Посидели на набережной в ресторанчике. Заказали чай, водку мы уже не пили, отказались навсегда от этой вредной привычки. За чашкой чая он рассказал, что работает заместителем начальника крупной охранной фирмы, у него хороший американский протез — подарок какой-то благотворительной фирмы, и уже третий год каждое утро он делает пробежку, с квартирой вопрос он решил, помогли ребята из местной организации инвалидов войны и администрация города, он два года назад женился на той самой девушке Танюшке, фотографию которой пытался уничтожить, но все склеилось. Но это уже другая история, история любви и преданности. И, самое главное, у них родился сын, розовощекий карапуз — будущий десантник. Жизнь продолжается...